

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 114. «На дне души гудит подводный Китеж»

Выпуск № 128

Иван Бунин

Руслан

Гранитный крест меж сосен, на песчаном
Крутом кургане. Дальше – золотой
Горячий блеск: там море, там, в стеклянном
Просторе вод – мир дивный и пустой...
А крест над кем? Да бают – над Русланом.

И сходят наземь с сёдел псковичи,
Сымают с плеч тяжелые мечи
И преклоняют шлемы пред курганом,
И зоркая сорока под крестом
Качает длинным траурным хвостом.
Вдоль по песку на блеске моря скачет –
И что-то прячет, прячет...

Морской простор – в доспехе золотом.

1916

Лариса Патракова

Плач матери

Накорми коня и, попоною
Накрывая его расшитою,
Поклонись родне во все стороны –
В злом бою тебе быть убитому.

Поклонись дубам – ты под ними рос,
Этим помнить тебя дольше всей родни,

И от дома прочь, вдаль за сотни вёрст,
Плетью бешеной в ночь коня гони.

На земле своей тебе мёртвым быть:
Враг стоит в степи – кони кованы...
Для того рождён, чтоб смогли убить –
О твою-то грудь стрелы сломаны...

А придет весна с её птахами,
С её водами, ой да вешними...
Знай, что мы тебя здесь отплакали,
Помянули тебя по-здешнему...

Накорми коня и, попоною
Накрывая его расшитою,
Поклонись родне во все стороны –
В злом бою тебе быть убитому...

Александр Блок

из цикла «На поле Куликовом»

Опять с вековой тоскою
Пригнулись к земле ковыли.
Опять за туманной рекою
Ты кличешь меня издали...

Умчались, пропали без вести
Степных кобылиц табуны,
Развязаны дикие страсти
Под игом ущербной луны.

И я с вековой тоскою,
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою,
Куда мне лететь за тобой!

Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар.

Объятый тоскою могучей,
Я рыщу на белом коне...
Встречаются вольные тучи
Во мглистой ночной вышине.

Вздываются светлые мысли
В растерзанном сердце моём,
И падают светлые мысли,
Сожженные тёмным огнём...

«Явись, моё дивное диво!
Быть светлым меня научи!»
Вздывается конская грива...
За ветром зывают мечи...

1908

И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.
Вл. Соловьев

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молнии боевой.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьим станом, как бывало,
И плеск и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. – Молись!

1908

В Орде

За степью, в приволжских песках,
Широкое, алое солнце тонуло.
Ребёнок уснул у тебя на руках,
Ты вышла из душной кибитки, взглянула
На кровь, что в зеркальные соли текла,
На солнце, лежавшее точно на блюде, —
И сладкой отрадой степного, сухого тепла
Подуло в лицо твоё, в потные смуглые груди.
Великий был стан за тобой:
Скрипели колёса, верблюды ревели,
Костры, разгораясь, в дыму пламенели,
И пыль поднималась багровою тьмой.
Ты, девочка, тихая сердцем и взором,
Ты знала ль в тот вечер, садясь на песок,
Что сонный ребёнок, державший твой тёмный сосок,
Тот самый Могол, о котором
Во веки веков не забудет земля?
Ты знала ли, Мать, что и я
Восславлю его, — что не надо мне рая,
Христа, Галилеи и лилий её полевых,
Что я не смиреннее их —
Аттилы, Тимура, Мамая,
Что я их достоин, когда,
Наскучив таиться за ложью,
Рву древнюю хартию Божью,
Насилую, режу, и граблю, и жгу города?
Погасла за степью слюда,
Дрожащее солнце в песках потонуло.
Ты скучно в померкшее небо взглянула
И, тихо вздохнувши, опять опустила глаза...
Несметною ратью чернели воза,
В синеющей ночи прохладой и горечью дуло.

Максимилиан Волошин

Китеж

1

Вся Русь – костёр. Неугасимый пламень
Из края в край, из века в век
Гудит, ревёт... И трескается камень.
И каждый факел – человек.
Не сами ль мы, подобно нашим предкам,
Пустили пал? А ураган
Раздул его, и тонут в дыме едком
Леса и сёла огнищан.
Ни Сергиев, ни Оптина, ни Саров –
Народный не уймут костёр:
Они уйдут, спасаясь от пожаров,
На дно серебряных озёр.
Так, отданная на поток татарам,
Святая Киевская Русь
Ушла с земли, прикрывшись Светлоярм...
Но от огня не отрекусь!
Я сам – огонь. Мятеж в моей природе,
Но цепь и грань нужны ему.
Не в первый раз, мечтая о свободе,
Мы строим новую тюрьму.
Да, вне Москвы – вне нашей душевной плоти,
Вне воли медного Петра –
Нам нет дорог: нас водит на болоте
Огней бесовская игра.
Святая Русь покрыта Русью грешной,
И нет в тот град путей,
Куда зовёт призывный и нездешний
Подводный благовест церковей.

2

Усобицы кромсали Русь ножами.
Скупые дети Калиты
Неправдами, насильем, грабежами
Её сбирали лоскуты.
В тиши ночей, звездяных и морозных,
Как лютый крестовик-паук,

Москва пряла при Тёмных и при Грозных
Свой тесный, безысходный круг.
Здесь правил всем изветчик и наушник,
И был свиреп и строг
Московский князь – «постельничий и клюшник
У Господа», – помилуй Бог!
Гнездо бояр, юродивых, смиренниц –
Дворец, тюрьма и монастырь,
Где двадцать лет зарезанный младенец
Чертил круги, как нетопырь.
Ломая кость, вытягивая жилы,
Московский строился престол,
Когда отродье Кошки и Кобылы
Пожарский царствовать привёл.
Антихрист-Пётр распаренную глыбу
Собрал, стянул и раскачал,
Остриг, обрил и, вздёрнувши на дыбу,
Наукам книжным обучал.
Империя, оставив нору кротью,
Высизивалась из яиц
Под жаркой коронованною плотью
Своих пяти императриц.
И стала Русь немецкой, чинной, мерзкой.
Штыков сияньем озарён,
В смеси кровей Голштинской с Вюртембергской
Отстаивался русский трон.
И вырвались со свистом из-под трона
Клубящиеся пламена –
На свет из тьмы, на волю из полона –
Стихии, страсти, племена.
Анафем церкви одолев оковы,
Повоскресали из гробов
Мазепы, Разины и Пугачевы –
Страшилища иных веков.
Но и теперь, как в дни былых падений,
Вся омрачённая, в крови,
Осталась ты землёю иступлений –
Землём, взыскующей любви.

Они пройдут – расплавленные годы
Народных бурь и мятежей:
Вчерашний раб, усталый от свободы,

Возропщет, требуя цепей.
Построит вновь казармы и остроги,
Воздвигнет сломанный престол,
А сам уйдёт молчать в свои берлоги,
Работать на полях, как вол.
И, отрезвясь от крови и угара,
Царёву радуясь бичу,
От угольев погасшего пожара
Затеplit ярую свечу.
Молитесь же, терпите же, примите ж
На плечи крест, на выю трон.
На дне души гудит подводный Китеж –
Наш неосуществимый сон!

1919

Выпуск № 894

Фёдор Сологуб

Россия

Ещё играешь ты, еще невеста ты.
Ты, вся в предчувствии высокого удела,
Идёшь стремительно от роковой черты,
И жажда подвига в душе твоей зардела.

Когда поля твои весна травой одела,
Ты в даль туманную стремишь свои мечты,
Спешишь, волнуешься, и мнёшь, и мнёшь цветы,
Таинственной рукой из горнего предела

Рассыпанные здесь, как дар благой тебе.
Вчера покорная медлительной судьбе,
Возмущена ты вдруг, как мощная стихия,

И чувствуешь, что вот пришла твоя пора,
И ты уже не та, какой была вчера,
Моя внезапная, нежданная Россия.

1915

Вячеслав Иванов

Тихая воля

О, как тебе к лицу, земля моя, убранства
Свободы хоровой! –
И всенародный серп, и вольные пространства
Запашки трудовой!..

В живой соборности и Равенство и Братство
Звучат святей, свежей, –
Где золотой волной вселенское богатство
Сотрёт рубцы межей...

О, как тебе к лицу, земля моя, величье
Смирненное жены,
Кормящей грудью, – и кроткое обличье
Христовой тишины, –

Чтоб у твоих колен семьёй детей родимых
Теснились племена...
Баюкай тихо, песнь, – лелей в браздах незримых
Святые семена!

1905

Максимилиан Волошин

Не ты ли
В минуту тоски
Швырнул на землю
Весы и меч
И дал безумным
Свободу весить
Добро и зло?

Не ты ли
Смесил народы
Густо и крепко,
Заквасил тесто
Слезами и кровью
И топчешь, грозный,
Грозды людские

В точиле гнева?

Не ты ли
Поэта кинул
На стогны мира
Быть оком и ухом?

Не ты ли
Отнял силу у рук
И запретил
Сложить обиды
В глубокой чаше
Земных весов,
Но быть назначил
Стрелой, указующей
Разницу веса?

Не ты ли
Неволил сердце
Благословить
Убийц и жертву,
Врага и брата?

Не ты ли
Неволил разум
Принять свершенье
Непостижимых
Твоих путей
Во всём гореньи
Противоречий,
Несовместимых
Для человеческой
Стеснённой мысли?

Так дай же силу
Поверить в мудрость
Пролившей крови;

Дозволь увидеть
Сквозь смерть и время
Борьбу народов,
Как спазму страсти,
Извергшей семя
Всемирных всходов!

1915

Выпуск № 1142

Даниил Андреев

Милый друг мой, не жалею о старом,
Ведь в тысячелетней глубине
Зрело то, что грозным пожаром
В эти дни проходит по стране.

Вечно то лишь, что нерукотворно.
Смерть – права, ликуя и губя:
Смерть есть долг несовершенной формы,
Не сумевшей выковать себя.

1935

Сергей Есенин

Несказанное, синее, нежное...
Тих мой край после бурь, после гроз,
И душа моя – поле безбрежное –
Дышит запахом мёда и роз.

Я утих. Годы сделали дело,
Но того, что прошло, не кляню.
Словно тройка коней оголтелая
Прокатилась во всю страну.

Напылили кругом. Накопытили.
И пропали под дьявольский свист.
А теперь вот в лесной обители
Даже слышно, как падает лист.

Колокольчик ли? Дальнее эхо ли?
Всё спокойно впивает грудь.
Стой, душа, мы с тобой проехали
Через бурный положенный путь.

Разберёмся во всём, что видели,
Что случилось, что случилось в стране,
И простим, где нас горько обидели
По чужой и по нашей вине.

Принимаю, что было и не было,
Только жаль на тридцатом году –
Слишком мало я в юности требовал,
Забываясь в кабацком чаду.

Но ведь дуб молодой, не разжелудясь,
Так же гнётся, как в поле трава...
Эх ты, молодость, буйная молодость,
Золотая сорвиголова!

1925

Владимир Набоков

Великан

Я вылепил из снега великана,
дал жизнь ему и в ночь на Рождество
к тебе, в поля, через моря тумана,
я, грозный мастер, выпустил его.

Над ним кружились вороны, как мухи
над головою белого быка.
Его не вьюги создали, не духи,
а только огрубелая тоска.

Слепой, как мрамор, близился он к цели,
шагал, неотразимый, как зима.
Охотники, плутавшие в метели,
его видали и сошли с ума.

Но вот достиг он твоего предела
и замер вдруг: цвела твоя страна,
ты счастлива была, дышала, рдела,
в твоей стране всем правила весна.

Легка, проста, с душою шелковистой,
ты в солнечной скользила тишине
и новому попутчику так чисто,
так гордо говорила обо мне.

И перед этим солнцем отступая,
поняв, что с ним соперничать нельзя,
растаяла тоска моя слепая,
вся синевой весеннею сквозя.

1924

Выпуск № 1060

Иван Бунин

Казнь

Туманно утро красное, туманно,
Да всё светлей, белее на восходе,
За тёмными, за синими лесами,
За дымными болотами, лугами...
Вставайте, подымайтесь, псковичи!

Роса дождём легла на пыль,
На крыши изб, на торг пустой,
На золото церковных глав,
На мой помост среди площади...
Точите нож, мочите солью кнут!

Туманно солнце красное, туманно,
Кровавое не светит и не греет
Над мутными, над белыми лесами,
Над росными болотами, лугами...
Орите позвончее, бирючи!

– Давай, мужик, лицо умыть,
Сапог обуть, кафтан надеть.
Веди меня, вали под нож
В единый мах – не то держись:
Зубами всех заем, не оторвут!

1915

Александр Блок

Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!
Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться...
Вольному сердцу на что твоя тьма?

Знала ли что? Или в Бога ты верила?
Что там услышишь из песен твоих?
Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог да столбов верстовых...

Лодки да грады по рекам рубила ты,
Но до Царьградских святынь не дошла...
Соколов, лебедей в степь распустила ты –
Кинулась из степи чёрная мгла...

За море Чёрное, за море Белое
В чёрные ночи и в белые дни
Дико глядится лицо онемелое,
Очи татарские мечут огни...

Тихое, долгое, красное зарево
Каждую ночь над становьем твоим...
Что же маячишь ты, сонное марево?
Вольным играешься духом моим?

1910

Выпуск № 946

Бахыт Кенжеев

Тонких нот звуковой лепрозорий,
крючковатые оси ключей,
отворившие зимние зори
и прославленный воздух ничей,

словно склеп, словно вены, в которых
бедный свет среди серых пустот,
тяжелея в немых разговорах,
виноградным дыханьем растёт –

и в ночах опалённых, опальных,
где закат в темноту перелит,
сочинитель игрушек хрустальных
пересохший язык шевелит.

Не усвоив его партитуры, –
кто в меху, кто в защитном сукне, –
русской речи слепые фигуры
безнадёжно толпятся в окне,

и за ними – за спинами, снами
и гробами – гремит неживой,
развернувший венозное знамя,
прокаженный оркестр духовой,

знаменатель играет в числитель,
тонут ноты в цифири густой,
не умея создать заменитель
раскалённой мелодии той...

Максимилиан Волошин

Родина

"Каждый побрёл в свою сторону
И никто не спасёт тебя".
*(Слова Исайи, открывшиеся
в ночь на 1918 г.)*

И каждый прочь побрёл, вздыхая,
К твоим призывам глух и нем,
И ты лежишь в крови, нагая,
Изражена, изнемогая,
И не защищена никем.

Ещё томит, не покидая,
Сквозь жаркий бред и сон – твоя
Мечта в страданиях изжитая
И неосуществлённая...

Ещё безумит хмель свободы
Твои взметённые народы

И не окончена борьба –
Но ты уж знаешь в просветленьи,
Что правда Славии – в смиреньи,
В непротивлении раба;

Что искус дан тебе суровый:
Благословить свои оковы,
В темнице простираясь ниц,
И правды воспрять Христовой
От грешников и от блудниц;

Что, как молитвенные дымы,
Темны и неисповедимы
Твои последние пути,
Что не допустят с них сойти
Сторожевые Херувимы!

1918

Выпуск № 1088

Максимилиан Волошин

Неопалимая Купина

В эпоху бегства французов из Одессы

Кто ты, Россия? Мираж? Наважденье?
    Была ли ты? есть? или нет?
Омут... стремнина... головокруженье...
    Бездна... безумие... бред...

Всё неразумно, необычайно:
    Взмахи побед и разрух...
Мысль замирает пред вещью тайной
    И ужасается дух.

Каждый, коснувшийся дерзкой рукою, –
    Молнией поражен:
Карл под Полтавой, ужален Москвою
    Падает Наполеон.

Помню квадратные спины и плечи
Грузных германских солдат –
Год... и в Германии русское вече:
Красные флаги кипят.

Кто там? Французы? Не суйся, товарищ,
В русскую водоверть!
Не прикасайся до наших пожарищ!
Прикосновение – смерть.

Реки вздувают безмерные воды,
Стонет в равнинах метель:
Бродит в точиле, качает народы
Русский разымчивый хмель.

Мы – зараженные совестью: в каждом
Стеньке – святой Серафим,
Отданный тем же похмельям и жаждам,
Тою же волей томим.

Мы погибаем, не умирая,
Дух обнажаем до дна.
Дивное диво – горит, не сгорая,
Неопалимая Купина!

1919

Даниил Андреев

Размах

Есть в медлительной душе
русских
Жар, растапливающий
любой
лёд:
Дно всех бездн
испытать
в спусках
И до звёзд
совершать
взлёт.

И дерзанью души
вторит
Шквал триумфов
и шквал вины, –
К мировому Устью истории
Схожий с бурей
полёт страны.

Пламень жгучий
и ветер морозный.
Тягу – вглубь,
дальше всех
черт,
В сердце нёс
Иоанн Грозный,
И Ермак,
и простой
смерд.

За Урал, за пургу Сибири,
За Амурский седой
вал,
Дальше всех рубежей
в мире
Рать казачью тот зов
гнал.

Он гудел – он гудит, бьётся
В славословьях, в бунтах, в хуле,
В огнищанах, в землепроходцах,
В гайдамацкой
степной
мгле.

Дальше! дальше! вперёд! шире!
Напролом! напорыв! вброд!
К злодеяньям, каких
в мире
Не свершал ни один
род;

И к безбрежным морям Братства,
К пиру братскому
всех
стран,

К солнцу, сыплющему богатства
Всем, кто незван
и кто
зван!..

Зов всемирных преобразений,
Непонятных ещё вчера,
Был и в муках самосожжений,
И в громовых шагах Петра.

И с легенд о Последнем Риме,
От пророчеств
во дни
смут,
Всё безумней, неукротимей
Зовы Устья
к сердцам
льнут.

Этот свищущий ветер метельный,
Этот брызжущий хмель веков
В нашей горечи беспредельной
И в безумствах большевиков.

В ком зажжется
другим
духом
Завтра он, как пожар
всех?
Только слышу:
гудит
рухом
Даль грядущая –
без
вех.

1950

[Выпуск № 1351](#)

[Лариса Патракова](#)

И хаос торжествует. Без причин
Так не бывает... Тонкое безмолвие

Бескрылых уст. Надтреснутый кувшин,
И смрадно пахнет забродившей кровью
С молоденьких страниц вчерашних книг:
Российских типографий вечный запах...
Ладонь, ещё ладонь – Восток и Запад –
Живой души не отыскать тайник.

И торжествует сумрачная речь,
Похожая на терпкие закаты:
Вдогонку серебра рассыпав золото,
Всё разменять и только медь сберечь,
И слово возвращается обратно.
Бьют родники шальные вдоль болот –
Заплёванная совесть рек подземных,
И тянет кровью – запах неизменный
Российских, родниковых, слёзных вод...

И на быков похожие дубы
Корнями попирают прах столетий,
И пахнут кровью дни и те, и эти –
И время метит солнечные лбы
Клеймом российским – пропуском в бессмертье.

И вещей сон. И душенька мертва –
С одним крылом, прибитым к поднебесью...
И тощий жаворонок правит песню,
И пахнет кровью от полночных трав...

Ирина Ратушинская

Помню брошенный храм под Москвою:
Двери настежь, и купол разбит.
И, дитя заслоняя рукою,
Богородица тихо скорбит –
Что у мальчика ножки босые,
А опять впереди холода,
Что так страшно по снегу России –
Навсегда – неизвестно куда –
Отпускать темноглазое чадо,
Чтоб и в этом народе – распать...
– Не бросайте камня, на надо!
Неужели опять и опять –

За любовь, за спасенье и чудо,
За открытый бестрепетный взгляд –
Здесь найдётся российский Иуда,
Повторится российский Пилат?
А у нас, у вошедших, – ни крика,
Ни дыхания – горло свело:
По её материнскому лику
Процарапаны битым стеклом
Матерщины корявые буквы!
И младенец глядит, как в расстрел:
– Ожидайте, Я скоро приду к вам!
В вашем северном декабре
Обожжет Мне лицо, но кровавый
Русский путь Я пройду до конца,
Но спрошу вас – из силы и славы:
Что вы сделали с домом Отца?
И стоим перед Ним изваянно,
По подобию сотворены,
И стучит нам в виски, окаянным,
Ощущение общей вины.
Сколько нам – на крестах и на плахах –
Сквозь пожар материнских тревог –
Очищать от позора и праха
В нас поруганный образ Его?
Сколько нам отмывать эту землю
От насилья и ото лжи?
Внемлешь, Господи? Если внемлешь,
Дай нам силы, чтоб ей служить.

1983

Выпуск № 1314

Сергей Есенин

За тёмной прядью перелесиц,
В неколебимой синеве,
Ягнёночек кудрявый – месяц
Гуляет в голубой траве.

В затихшем озере с осокой
Бодаются его рога, –

И кажется с тропы далёкой –
Вода качает берега.

А степь под пологом зелёным
Кадит черёмуховый дым
И за долинами по склонам
Свивает полымя над ним.

О сторона ковыльной пущи,
Ты сердцу ровностью близка,
Но и в твоей таится гуще
Солончаковая тоска.

И ты, как я, в печальной требе,
Забыв, кто друг тебе и враг,
О розовом тоскуешь небе
И голубиных облаках.

Но и тебе из синей шири
Пугливо кажет темнота
И кандалы твоей Сибири,
И горб Уральского хребта.

1915-1916

Александр Блок

Коршун

Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынный луг. –
В избушке мать над сыном тужит:
«На хлеба, на, на грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест неси».

Идут века, шумит война,
Встаёт мятеж, горят деревни,
А ты всё та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней. –
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

1916

Максимилиан Волошин

Дикое Поле

1

Голубые просторы, туманы,
Ковыли, да полынь, да бурьяны...
Ширь земли да небесная лепь!
Разлилось, развернулось на воле
Припонтийское Дикое Поле,
Тёмная Киммерийская степь.

Вся могильниками покрыта –
Без имен, без конца, без числа...
Вся копытом да копьями взрыта,
Костью сеяна, кровью полита,
Да народной тугой поросла.

Только ветер закаспийских угорий
Мутит воды степных лукоморий,
Плещет, рыщет – развалист и хляб
По оврагам, увалам, излогам,
По немеряным скифским дорогам
Меж курганов да каменных баб.
Вихрит вихрями клочья бурьяна,
И гудит, и звенит, и поёт...
Эти поприща – дно океана,
От великих обсякшее вод.

Распалаял их полуденный огонь,
Индевела заречная синь...
Да ползла желтолицая погань
Азиатских бездонных пустынь.
За хазарами шли печенеги,
Ржали кони, пестрели шатры,
Пред рассветом скрипели телеги,
По ночам разгорались костры,
Раздувались обозами тропы
Перегруженных степей,
На зубчатые стены Европы
Низвергались внезапно потопы
Колченогих, раскосых людей,
И орлы на Равеннских воротах

Исчезали в водоворотах
Всадников и лошадей.

Много было их – люты, хоробры,
Но исчезли, «изникли, как обры»,
В тёмной распре улусов и ханств,
И смерчи, что росли и сшибались,
Разошлись, растеклись, растерялись
Средь степных безысходных пространств.

2

Долго Русь раздирали по клочьям
И усобицы, и татарва.
Но в лесах по речным узорочьям
Завязалась узлом Москва.
Кремль, овеянный сказочной славой,
Встал в парче облачений и риз,
Белокаменный и златоглавый
Над скудою закуренных изб.
Отразился в лазоревой ленте,
Развитой по лугам-муравам,
Аристотелем Фиоравенти
На Москва-реке строенный храм.
И московские Иоанны
На татарские веси и страны
Наложили тяжелую пядь
И пятой наступили на степи...
От кремлёвских тугих благолепий
Стало трудно в Москве дышать.
Голытьбу с тесноты да с неволи
Потянуло на Дикое Поле
Под высокий степной небосклон:
С топором, да с косою, да с оралом
Уходили на север – к Уралам,
Убегали на Волгу, за Дон.
Их разлёт был широк и несвязен:
Жгли, рубили, взымали ясак.
Правил парус на Персию Разин,
И Сибирь покорял Ермак.
С Беломорья до Приазовья
Подымались на клич удальцов
Воровские круги понизовья
Да концы вечевых городов.

Лишь Никола-Угодник, Егорий –
Волчий пастырь – строитель земли –
Знают были пустынь и поморий,
Где казацкие кости легли.

3

Русь! встречай роковые години:
Разверзаются снова пучины
Неизжитых тобою страстей,
И старинное пламя усобиц
Лижет ризы твоих Богородиц
На оградах Печёрских церквей.

Всё, что было, повторится ныне...
И опять затуманится ширь,
И останутся двое в пустыне –
В небе – Бог, на земле – богатырь.
Эх, не выпить до дна нашей воли,
Не связать нас в единую цепь.
Широко наше Дикое Поле,
Глубока наша скифская степь.

1920

Выпуск № 1251

Александр Блок

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел её голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,

Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у царских врат,
Причастный тайнам, – плакал ребёнок
О том, что никто не придёт назад.

1905

Владимир Набоков

Видение

В снегах полуночной пустыни
мне снилась мать всех берёз,
и кто-то – движущийся иней –
к ней тихо шёл и что-то нёс.

Нёс на плече, в тоске высокой,
мою Россию, детский гроб;
и под берёзой одинокой
в бледно-пылящемся сугроб

склонился в трепетанье белом,
склонился, как под ветром дым.
Был предан гробик с лёгким телом
снегам невинным и немым.

И вся пустыня снеговая,
молясь, глядела в вышину,
где плыли тучи, задевая
крылами тонкими луну.

В просвете лунного мороза
то колебалась, то в дугу
сгибалась голая берёза,
и были тени на снегу

там, на могиле этой снежной,
сжимались, разгибались вдруг,
заламывались безнадежно,
как будто тени Божьих рук.

И поднялся, и по равнине
в ночь удалился навсегда
лик Божества, виденье, иней,
не оставляющий следа...

1924

Выпуск № 1335

Александр Блок

З. Н. Гиппиус

Рождённые в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России –
Забить не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы –
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота – то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным ложем
Взовьётся с криком вороньё, –
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят царствие Твоё!

1914

Владимир Набоков

И утро будет: песни, песни,
каких не слышно и в раю,

и огненный промчится вестник,
взвив тонкую трубу свою.

Распахивая двери наши,
он пронесётся, протрубит,
дыханьем расправляя чаши
неупиваемых обид.

Весь мир, извилистый и гулкий,
неслыханные острова,
немыслимые закоулки,
как пламя, облетит молва.

Тогда-то, с плавностью блаженной,
как ясновидящие, все
поднимемся и в путь священный
по первой утренней росе.

1923